

Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 340 с.

ISBN 978-5-458-12808-7

Братский труд членов 4 Всероссийского миссионерского съезда (с портретами сектантов и картинами сектантских радений).

ISBN 978-5-458-12808-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

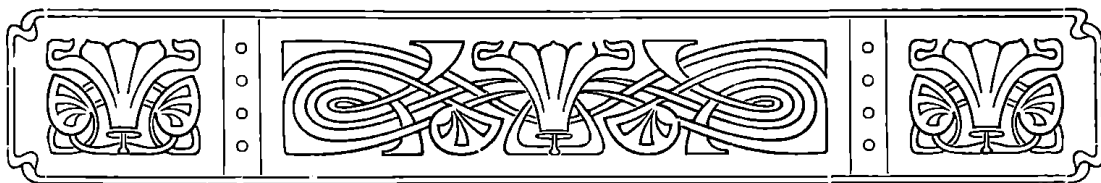
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

По поводу неправильныхъ сужденій
о сектанствѣ.

Въ наше время, время переоцѣнки всякихъ цѣнностей, когда такъ часто бѣлое представляютъ чернымъ, а черное—бѣлымъ, мы едва ли удивимся, встрѣтивъ въ извѣстной части общества и свѣтской литературы совершенно превратный взглядъ на сектанство.

По этому взгляду, сектанство есть явленіе свѣтлое, симпатичное, свидѣтельствующее о прогрессивномъ движеніи народной мысли, о творческой, продуктивной дѣятельности духа народнаго. Сектанты—это люди передовые, это „культурные піонеры“, они пробудились отъ той религіозной спячки, въ которой пребываютъ православные, и идутъ впередъ; они стремятся къ свѣту, „алчутъ и жаждутъ правды“ и устрояютъ жизнь свою на евангельскихъ началахъ—равенства, любви и братства.

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, посмотрите на жизнь сектантовъ, она гораздо выше и лучше, чѣмъ жизнь православныхъ; сектанты грамотны, честны, трудолюбивы, не пьютъ, не курятъ, не бранятся, помогаютъ другъ другу, однимъ словомъ, это-самые симпатичные люди. Если такъ, за что же ихъ преслѣдовать? или ограничивать ихъ права вѣры и пропаганды? Не преслѣдовать и искоренять сектантовъ надо, а наоборотъ—радоваться и содѣйствовать его распространенію. Если сектанты порываютъ связь съ Церковью, то въ этомъ виновата сама же Церковь, это только указываетъ на слабость и безсиліе ея удовлетворить пробудившіяся религіозныя потребности народа. Въ Церкви православной господ-

ствуесть, говорятъ, бездушный формализмъ, она не въ состояніи отвѣтить на запросы развившагося религіознаго сознанія народа, поэтому лучшіе, передовые люди изъ народа, не находя удовлетворенія въ Церкви, уходятъ въ сектантство. Увлечшись такимъ взглядомъ, нѣкоторые писатели впадаютъ въ паѳосъ и разсыпаются въ восторженныхъ похвалахъ сектантству въ сектанствѣ видятъ залогъ силы и величія русскаго народа, залогъ его свѣтлаго будущаго, шлютъ по адресу сектантовъ всяческія благопожеланія, поютъ имъ панегирики.

Таковъ новый, принятый обычно въ свѣтской литературѣ и достаточно распространенный въ свѣтскомъ обществѣ, взглядъ на сектантство. При первомъ поверхностномъ отношеніи къ нему, взглядъ этотъ можетъ, пожалуй, показаться справедливымъ; но достаточно небольшого напряженія серьезной вдумчивой мысли, и ясно обнаружится его полная несостоятельность.

Не трудно видѣть, что взглядъ этотъ представляетъ собою крайнюю идеализацію сектантства. Сущность сектанства здѣсь не понята, значеніе его безмѣрно преувеличено, сектанты возведены на пьедесталъ, имъ не подходящій, окружены ореоломъ величія, имъ непринадлежащимъ,—здѣсь все раздуто, разукрашено яркими красками, представлено въ блестящемъ, но фальшивомъ, ложномъ свѣтѣ. Чтобы яснѣе видѣть несостоятельность этого взгляда, обратимъ прежде всего вниманіе на то, когда и при какихъ условіяхъ онъ возникъ.

Новый взглядъ на сектантство впервые былъ высказанъ писателями — народниками въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Извѣстно, что 60-тые годы—знаменательное время въ исторіи нашего народа—то было горячее время реформъ. Великая освободительная реформа произвела большое оживленіе и движеніе въ обществѣ, обратила взоры всѣхъ къ народу и вызвала много толковъ о немъ, толковъ разнообразныхъ до полной противоположности. Одни говорили: „не разнуздывайте звѣря, не давайте народу свободы, онъ не сѣмѣетъ воспользоваться ею, для его же блага покрѣпче натягивайте возжи“! Другіе, наоборотъ, утверждали: „сбросьте позорное иго рабства съ народа, давайте ему возможность быть человѣкомъ, онъ прекрасно воспользуется дарованною ему свободою, потому что въ груди своей онъ таитъ скрытыя, могучія, жизненныя силы, служащія ручательствомъ дальнѣйшаго преуспѣянія, дайте свободу этимъ силамъ,—и народъ быстро двинется впередъ по пути прогресса“. И, какъ обычно бываетъ при этомъ, тѣ и другіе впали въ крайность. Если одни видѣли въ народѣ звѣря, то другіе воспылали самыми горячими симпатіями къ нему, закрывая глаза предъ всѣми дѣйствительными его недостатками и пороками. Народъ чуть не боготворили, предъ нимъ благоговѣли и преклонялись, въ немъ видѣли таинственнаго, непонятнаго сфинкса, скрывающаго въ себѣ могучія жизненныя силы. Подъ

вліяніемъ такого настроенія, обращаются къ изученію народнаго быта, къ разгадкѣ этого таинственнаго сфинкса; появляются изслѣдованія различныхъ сторонъ народной жизни, журналы наполняются стихотвореніями, рассказами, очерками, романами, изслѣдованіями изъ народнаго быта; мужикъ занялъ видное мѣсто въ салонахъ народнической беллетристики, его разбирали, какъ говорится, чуть не по косточкамъ — и что ѣсть, и какъ пьеть, во что одѣвается и проч. Конечно, все это имѣло свое значеніе и принесло большую пользу, такъ какъ содѣйствовало изученію народной жизни. Но вмѣстѣ съ пользой былъ и вредъ. Вредъ происходилъ оттого, что изученіе народной жизни велось не безпристрастно, оно было вызвано чрезмѣрнымъ увлеченіемъ народомъ и велось въ пылу увлеченія, подъ вліяніемъ предзанятой идеи, что народъ таитъ въ себѣ могучія жизненныя силы. Этихъ силъ искали всюду, во всѣхъ явленіяхъ народной жизни, поэтому нѣкоторыя изъ нихъ были поняты и освѣщены неправильно. Такъ именно случилось съ сектантствомъ. Съ точки зрѣнія предзанятой народнической идеи, на сектантство посмотрѣли, какъ на продуктъ самостоятельной творческой дѣятельности духа народнаго, какъ на выраженіе того процесса творческой дѣятельности, который незримо совершается въ тайникахъ народнаго духа и служитъ ручательствомъ самостоятельнаго, самобытнаго развитія народа. Въ сектантствѣ народники увидѣли подтвержденіе своей предзанятой идеи, поэтому признали это явленіе свѣтлымъ, симпатичнымъ, а между тѣмъ не обратили вниманія на то, что самодѣятельность духа народнаго, которую всюду искали и которой такъ восхищались, въ сектантствѣ проявляется въ созданіяхъ грубыхъ, нерѣдко чудовищно-уродливыхъ (бѣгуны, скопцы, хлысты, морельщики, красносмерты и др.).

Такимъ образомъ, высказанный свѣтской литературой, новый взглядъ на сектантство имѣетъ источникъ свой въ томъ крайнемъ, чрезмѣрномъ, и постольку ошибочномъ, увлеченіи народомъ, которое охватило наше общество въ 60-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ этого увлеченія, въ народѣ видѣли одно лишь хорошее, однѣ лишь свѣтлыя стороны. Неудивительно, поэтому, если и въ сектантствѣ,—явленіи по существу своему болѣзненнымъ, нездоровомъ,—увидѣли явленіе свѣтлое, идеализировали его, разукрасили яркими красками, представили въ красивомъ, эффектномъ, но ложномъ свѣтѣ.

Однако, защитники рассматриваемаго нами взгляда не голословно высказываютъ его. Въ подтвержденіе правильности своего сужденія они ссылаются на жизнь сектантовъ и говорятъ: „дерево познается по плодамъ, не можетъ дерево худое приносить плодовъ добрыхъ, жизнь сектантовъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ жизнь православныхъ, поэтому сектантство нельзя не признать явленіемъ свѣтлымъ, симпатичнымъ“...

По поводу этого, повидимому столь несокрушимаго, аргумента можно сказать слѣдующее. Прежде всего не нужно быть легковѣрнымъ, нужно осторожно относиться къ восторженнымъ отзывамъ и похваламъ, которые щедро рукою разсыпаются идеализаторами сектантства по ихъ адресу. Наблюденіе надъ жизнью сектантовъ — дѣло очень трудное, такъ какъ сектанты скрытны и крайне лицемерны, и въ этомъ случаѣ легко можно обмануться и впасть въ ошибку.

„Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (Мѣ. VII, 15). Въ этихъ словахъ Спасителя кратко выражена самая сущность сектантскаго типа. Дѣйствительно, всегда и всѣ—сектанты таковы.

При первомъ поверхностномъ знакомствѣ, они кажутся благочестивыми, кроткими, смиренными людьми, которые стремятся расположить свою жизнь и дѣятельность по заповѣдямъ Евангелія; внѣшняя показная сторона ихъ жизни представляется вполне благоприличной, даже привлекательной, такъ что первое впечатлѣніе легко получается въ ихъ пользу. Всякаго новаго посѣтителя, особенно, если онъ человѣкъ интеллигентный, сектанты примутъ очень любезно, заведутъ рѣчь объ оскудѣніи вѣры въ людяхъ, выскажутъ немало укоровъ и упрековъ православнымъ, сопровождая ихъ смиренно-лукавымъ замѣчаніемъ, что „это-де говорится не въ укоръ, не въ осужденіе“, не забудутъ пожаловаться на тѣ мнимыя гоненія, которымъ они подвергаются со стороны православныхъ за свою вѣру, за то-де, что они не посѣщаютъ съ ними кабаковъ, не хотятъ пьянствовать и т. п. Неудивительно, поэтому, если случайный посѣтитель, пробывъ у сектантовъ лишь день—другой, выйдетъ очарованный ихъ любезностью, здоровою, сознательною вѣрою, внѣшнею показною добропорядочностью и, дѣлясь своими впечатлѣніями съ публикой, выскажетъ радость по поводу того, что „среди мрачной, грязной жизни нашихъ крестьянъ встрѣчаются дорогіе перлы“...

Но если ближе познакомится съ сектантами и пожить среди нихъ подольше, если войти къ нимъ въ довѣріе и проникнуть въ ихъ закулисную жизнь, то окажется, что видимая привлекательная оболочка скрываетъ нравственный обликъ очень невысокаго достоинства. Въ дѣйствительности, въ жизни сектантовъ можно встрѣтить много фальши, лицемерія, внѣшняго показнаго благочестія, много гордости, киченія и самохвальства, прикрытыхъ личиною смиренно-лукавства, много вражды и ненависти къ православнымъ и другихъ пороковъ, которые тщательно прячутся подъ маской внѣшняго благоприличія и добропорядочности. Поэтому нужно осторожно относиться къ восторженнымъ отзывамъ свѣтскихъ писателей о высоко-нравственной жизни сектантовъ, такъ какъ отзывы эти, въ большинствѣ случаевъ, основаны на недоразумѣніи, и авторы ихъ легко могли быть введены въ заблужденіе.

Однако было бы несправедливо безусловно порицать сектантов и не признавать того хорошаго, что они имѣютъ. Въ отзывахъ свѣтскихъ писателей о жизни сектантовъ есть, конечно, доля истины, но нужно только очистить ее отъ примѣси ложной идеализаціи и представить въ настоящемъ ея видѣ.

Факты показываютъ, что нерѣдко православные, переходя въ сектанство, испытываютъ какъ бы нѣкоторое перерожденіе, круто измѣняя прежній порочный образъ жизни, бросаютъ пить водку, учатся грамотѣ, читаютъ Евангеліе и т. д. Въ молодыхъ сектантскихъ общинахъ, дѣйствительно, замѣчается повышенное настроеніе религіознаго чувства, сопровождающееся болѣе строгимъ образомъ жизни и выгодно выдѣляющее сектантовъ изъ среды ихъ православныхъ односельцевъ. Сами православные иногда хорошо отзываются о сектантахъ, какъ о людяхъ работающихъ, честныхъ, на слово которыхъ можно положиться.

Но тѣ же факты говорятъ, что такое настроеніе бываетъ въ сектантскихъ общинахъ только на первыхъ порахъ и продолжается недолго: обычный у юныхъ неопитовъ религіозный пылъ скоро остываетъ, смѣняясь религіознымъ индифферентизмомъ и холодностью, высокія требованія нравственности ослабѣваютъ и подъ разными яко-бы благовидными предлогами нарушаются, оставаясь все же обязательными лишь въ видахъ пропаганды и для рекомендаціи, такъ сказать, сектанства. Интересы вѣры постепенно отходятъ на второй планъ, уступая мѣсто интересамъ практическимъ, житейскимъ: вырабатывается столь обычный въ сектанствѣ, несимпатичный типъ кулака коммерческаго пошиба, который, начавъ проповѣдью о незаконности платы за требы и обвиненіемъ православныхъ пастырей въ корыстолюбіи и мздоимствѣ, оканчиваетъ тѣмъ, что съ ловкостью стрижетъ своихъ овецъ... Прикрытые маской благоприличія, прежніе пороки снова проникаютъ въ среду сектантовъ, умножая собою количество новыхъ.

Такое явленіе, наблюдаемое обычно въ жизни сектантскихъ общинъ, станетъ понятнымъ, если обратить вниманіе и прослѣдить его внутренней психической генезисъ.

Происхожденіе сектантства почти всегда стоитъ въ связи съ недостатками и пороками, наблюдаемыми въ жизни православныхъ и представляетъ собою протестъ противъ нихъ. Выступая съ протестомъ, сектанты, естественно, на первыхъ порахъ стараются удаляться и избѣгать тѣхъ недостатковъ и пороковъ, какіе они замѣчаютъ и порицаютъ въ жизни православныхъ. И насколько они этого достигаютъ, настолько, дѣйствительно, имъ удается осуществить въ жизни своей Евангельскія начала, настолько, конечно, сектанство не можетъ не вызвать къ себѣ нѣкоторыхъ симпатій.

Но дѣло въ томъ, что всякій протестъ имѣеть значеніе лишь тогда и постольку, поскольку онъ основывается на положительныхъ данныхъ и имѣеть подъ собою реальную почву. Между тѣмъ, начатый сектантами протестъ не удерживается въ должныхъ границахъ. Все болѣе и болѣе увлекаясь и руководясь духомъ оппозиціи, сектанты, погрѣшая противъ правилъ логики, отъ *части* дѣлаютъ заключеніе къ *цѣлому*, отъ недостатковъ и пороковъ, наблюдаемыхъ въ жизни православныхъ, они заключаютъ, что и вся Церковь православная, какъ состоящая изъ людей порочныхъ, есть церковь неистинная. Несправедливо, такимъ образомъ, обвиняя всю Церковь въ томъ, въ чемъ повинны лишь нѣкоторые ея члены, сектанты отдѣляются отъ нея и порываютъ съ нею всякую связь. Теперь протестъ, доведенный до крайности, теряетъ подъ собою положительную реальную почву, переходитъ въ одно голое, чистое отрицаніе и принимаетъ характеръ явленія болѣзненнаго, ненормальнаго.

Отдѣлившись отъ Церкви и отвергнувъ тотъ широкій прочный авторитетъ обще-церковнаго сознанія, на которомъ они доселѣ утверждались, сектанты лишаются твердой точки опоры, теряютъ устойчивость и вступаютъ на скользкій путь субъектизма. Не легко, не сразу происходитъ это отдѣленіе отъ Церкви, тяжелою внутреннею борьбою сопровождается оно. Естественное при всякой переменѣ религіозныхъ убѣжденій возбужденіе религіознаго чувства сопровождается болѣе строгимъ образомъ жизни, въ которомъ сектанты, отдѣлившись отъ Церкви и лишаясь ея освящающихъ благодатныхъ дѣйствій, стараются найти для себя якорь спасенія. И вотъ, взволнованное, тревожное, колеблющееся религіозно-нравственное чувство отщепенцевъ достигаетъ сильной степени напряженія и даетъ пышный цвѣтъ. Но — это напряженіе ненормальное, болѣзненное, и потому скоропереходящее. Этотъ цвѣтъ напоминаетъ собою красивый цвѣтъ румянаго яблока, сердцевину котораго подтачиваетъ червь. Это — пустоцвѣтъ, который, не успѣвъ расцвѣсть, увядаетъ...

Такова тайна жизни сектантовъ, столь прославленной многими свѣтскими писателями. Здѣсь же объясненіе той противоположности, какая существуетъ во взглядахъ и сужденіяхъ о ней. Двулика жизнь сектантовъ представляется разнымъ наблюдателямъ съ разныхъ сторонъ: одни останавливаютъ свой взоръ на румянномъ цвѣтѣ яблока и видятъ въ сектанствѣ явленіе свѣтлое, симпатичное; другіе же идутъ дальше, берутъ глубже, и за красивой, обольстительной внѣшней оболочкой усматриваютъ одну лишь пустую червоточину...

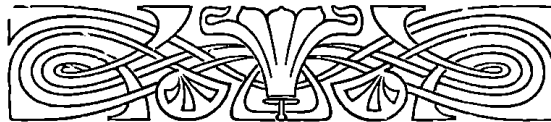
Итакъ, разсмотрѣвъ новый взглядъ части общества и свѣтской литературы на сектантство, мы убѣждаемся въ его несостоятельности: взглядъ этотъ представляетъ собою крайнюю идеализацію сектанства, вытекаетъ изъ источника нечистаго, опирается на основаніи непрочному.

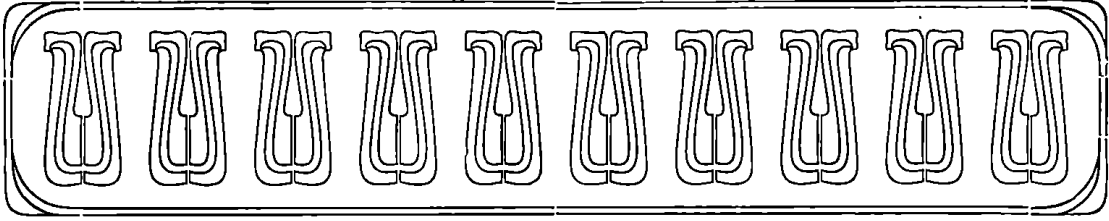
Правда, по своей новизнѣ и видимой заманчивости этотъ взглядъ получилъ большую распространенность среди свѣтскаго общества, незнакомаго близко съ сектанствомъ. Но, какъ взглядъ неправильный, произвелъ лишь путаницу въ понятіяхъ о сектанствѣ и нисколько не подвинулъ впередъ дѣла изученія его.

А между тѣмъ сектанство давно уже ждетъ своего научнаго изслѣдованія и объективнаго освѣщенія современнаго его состоянія.

Преподаватель Полтавской духов. семинаріи

Вл. Ив. Терлецкій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЕКТЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКІЯ.

Секта духоборовъ.

I.

ВОПРОСЪ о происхожденіи и первоначальная исторія секты духоборовъ остаются доселѣ еще неразъясненными. Секта эта дѣлается исторически извѣстною сравнительно поздно, около половины XVIII вѣка, причемъ она является въ это время въ видѣ сформировавшагося общества съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ вѣроученіемъ.

Первыми извѣстными организаторами и главными вожаками духоборовъ были: Силуанъ Колесниковъ среди Екатеринославскихъ духоборцевъ, Илларионъ Побирохинъ и Савелій Капустинъ среди Тамбовскихъ.

Въ началѣ XIX в., по распоряженію Императора Александра I, всѣ духоборы были переселены на Молочныя воды, въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губ. Здѣсь, при пособіи со стороны правительства, духоборы устроились очень хорошо, и основанныя ими по теченію рѣки Молочной поселенія: Терпѣніе, Горѣлое, Богдановка, Тамбовка, Спасское и др. приняли видъ цвѣтущихъ колоній. Во главѣ переселившихся сталъ Савелій Капустинъ, который управлялъ духоборами, какъ „пророкъ, царь и Христосъ“. Личность Савелія Капустина въ исторіи духоборовъ имѣетъ огромное значеніе и стоитъ на такой высотѣ, до которой не поднимался ни одинъ изъ духоборческихъ вожаковъ. Подъ его верховнымъ управленіемъ духоборы на Молочныхъ водахъ образовали какъ бы особое „духоборческое государство“ въ государствѣ. Всѣми дѣлами онъ распоряжался безконтрольно и управлялъ деспотически, его рѣшеніе считалось окончательнымъ и безапелляционнымъ. Въ помощь себѣ Капустинъ установилъ

особый совѣтъ, состоящій изъ 30 лицъ, изъ которыхъ 12 исполняли обязанности апостоловъ. Управление совѣта, руководимаго Капустинымъ, было построено всецѣло на системѣ страха, шпіонства и деспотизма. Желая власть свою закрѣпить за своимъ потомствомъ, Капустинъ сталъ учить, что душа Иисуса Христа переходитъ преемственно отъ отца къ сыну въ одномъ и томъ же родѣ Капустиныхъ. Вслѣдствіе этого въ духоборческомъ обществѣ явилась наслѣдственная верховная правительственная власть, которая почти въ теченіе столѣтія принадлежала священному роду Капустиныхъ-Калмыковыхъ. По смерти Капустина (ок. 1820 г.) должность пророка и высшее управление духоборами перешли къ сыну его Василию, принявшему съ цѣлью лучшаго укрывательства отъ гражданской власти фамилію нареченнаго отца, — Калмыкова. Но Василій не былъ похожъ на своего отца ни по уму, ни по характеру; кромѣ того, онъ предался пьянству и распутству. По его же слѣдамъ пошелъ и преемникъ его Илларионъ, ставшій во главѣ духоборовъ съ 1832 года. Вслѣдствіе этого въ духоборческой общинѣ возникли большіе беспорядки, и она лишилась того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ находилась прежде. Совѣтъ 30-ти, захвативъ фактически власть въ свои руки, сталъ гнѣздомъ преступленій и обратился въ трибуналъ жестокой и кровавой инквизиціи; достаточно было легкаго подозрѣнія въ измѣнѣ духоборству, чтобы подвергнуться самой жестокой пыткѣ. Комиссія, назначенная правительствомъ и производившая разслѣдованіе съ 1835 г. по 1839 г., открыла здѣсь множество злоупотребленій и страшныхъ преступленій. Вслѣдствіе этого, въ 1839 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, „чтобы всѣ духоборы переселены были изъ Молочныхъ водъ и водворены въ закавказкой провинціи подъ строгій надзоръ“.

Въ началѣ 40-хъ годовъ духоборы переселились въ Закавказье и основали свои поселки главнымъ образомъ въ губерніяхъ Тифлисской, Ахалкалакск. у., Елисаветпольской и Карской. Здѣсь такъ же, какъ и на Молочныхъ водахъ, они представляли особое „духоборческое государство“, на Россію смотрѣли, какъ на сосѣднюю дружественную державу, всѣ отношенія къ которой ограничиваются съ ихъ стороны лишь уплатой „дани“. Верховная власть въ этомъ государствѣ принадлежала потомкамъ наслѣдственной „священной династіи“ Калмыковыхъ, сначала Иллариону, скончавшемуся вскорѣ послѣ переселенія, потомъ сыну его Петрушѣ Калмыкову, а послѣ его смерти (1864 г.) женѣ его „богородицѣ“ Лукерѣ Васильевнѣ, которую духоборцы обычно титуловали „ихъ милость“ Луша.

Резиденцію свою духоборческіе управители имѣли въ с. Горѣломъ, въ такъ называемомъ, Сиротскомъ домѣ, который сосредоточивалъ въ себѣ и отправлялъ всѣ функціи высшаго государственнаго учрежденія. Главнымъ совѣтникомъ и правой рукой правительницы Луши былъ старшина Алеша Зубковъ, на котораго возложена была трудная обязанность

вести сношенія съ органами правительственной власти, носящими у духоборовъ названіе „халдеевъ“. Все искусство его „внѣшней политики“ заключалось въ умѣньи поставить дѣло такъ, чтобы власть была духоборами всегда довольна и поменьше всматривалась и вмѣшивалась въ ихъ внутреннюю автономную жизнь. И дѣйствительно, съ начальствомъ Зубковъ удивительно умѣло ладилъ и считался образцовымъ старшиною. Мѣстная интеллигенція мѣтко называла его „духоборческимъ Бисмаркомъ“, и это названіе, характеризуя общественное значеніе Зубкова въ духоборчествѣ, вполне подходило къ нему и по внѣшнему сходству. Благо-

Лукерья Калмыкова.

даря хитрой, ловкой политикѣ Зубкова, духоборы приобрѣли особое блаволеніе власти и имѣ дѣлались всякія льготы и попущенія. Такъ, напр., управительница ихъ Луша завела свой вооруженный конвой, въ нѣсколько десятковъ всадниковъ, въ костюмѣ чуть не конвоя Его Величества. Конвой этотъ мчался за Лушей всегда и вездѣ, по городамъ и селамъ, даже, когда она появлялась въ Тифлисѣ, на глазахъ у высшей власти. Судъ и расправу чинили по кодексу духоборческихъ законовъ, утверждала рѣшенія суда сама правительница. При всякомъ случаѣ уклоненія отъ установившагося режима примѣнялась система жестокихъ наказаній: